УДК 94 (57) «19»

И. С. Кузнецов

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: ivan–kuz@list.ru

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ СТАЛИНСКОЙ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ МОДЕЛИ *

В статье рассматриваются социально-психологические факторы формирования в России 1920-х–1930-х гг. сталинской мобилизационной модели. Обращается внимание на такие константы отечественного менталитета, как социальная пассивность, слабость демократических традиций, авторитаризм, «наивный монархизм», общинный коллективизм. Вместе с тем выделяются такие особенности психологии политически активных слоев населения, как черно-белое мировосприятие, абсолютизация насилия, вера в «большой скачок».

Ключевые слова: мобилизационная модель, менталитет, психоистория, харизматическое лидерство.

В нашем исследовании мы исходим из того, что в эпоху сталинизма общественная система Советского Союза была представлена режимом, являвшимся мобилизационным по способу своего существования, надстроенным над конгломератом различных, преимущественно докапиталистических социально-экономических укладов и мозаичной социальной структурой, необходимая устойчивость которого достигалась за счет применения в отношениях с социумом технологий социальной мобилизации.

Под категорией «социальная мобилизация» понимается целенаправленное воздействие институтов власти на массы, основанное на подавлении или искажении свободных и рациональных предпочтений, мотиваций и действий отдельных индивидов и групп для приведения социума в активное состояние, обеспечивающее поддержку и реализацию целей и задач, объявляемых приоритетными. Социальная мобилизация позволяла власти концентрировать максимум ресурсов и возможностей общества на выполнение провозглашенных целей всеми имеющимися в распоряжении институтов власти средствами (см., например: [Галкин, 1990]). В целом же в такой интерпретации сталинизм представляется как определенная модель социального конструирования (см.: [Медушевский, 2010]).

Формирование мобилизационной модели развития в нашей стране, несомненно, было обусловлено не только комплексом социально-экономических детерминант, но и целым рядом культурно-психологических факторов. По-видимому, немаловажной предпосылкой формирования мобилизационной модели развития явились психоментальные особенности отечественного социума. В настоящее время его социально-психологическая эволюция в эпоху после 1917 г. получила определенное отражение в исследовательской литературе, – правда, преимущественно на эмпирической базе первых послереволюционных лет (см., например: [Революция и человек…, 1996; Булдаков, 1997; Революция и человек…, 1997]).

В свое время первой в отечественной гуманитаристике попыткой обобщающей характеристики социально-психологического контекста российского тоталитаризма стала книга «Осмыслить культ Сталина» [1989], – в ней помещен специальный раздел «Сталин и сталинизм как социопсихологический фе-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-01-00506а).

© И. С. Кузнецов, 2012

номен», где особенно выделяется статья Ю. А. Левады. Однако последующие более чем два десятилетия, несмотря на исключительное внимание историков к сталинизму, не ознаменовались появлением фундаментальных исследований о его психоментальном аспекте. В сущности, до настоящего времени единственной обобщающей работой по этому поводу остается монография автора настоящей статьи [Кузнецов, 1995], которая, впрочем, носит в большей мере постановочный характер, не основана на широкой фактологической базе. Из числа немногих работ, раскрывающих обозначенную тему непосредственно на материале сталинского периода и на обширном круге источников, следует выделить прежде всего исследования Ш. Фицпатрик [2001; 2006]. Заметные шаги в указанном направлении сделаны также в аграрно-исторических исследованиях (см.: [Кузнецов, 2001; Сухова, 2006; Грациози, 2008; Лабузов, 2003; Лебедева, 2009; Виола, 2010]), а также в работах о советской молодежи [Рожков, 2002; Исаев, 2003]. Однако анализ данной проблематики в контексте мобилизационной модели заслуживает приоритетного внимания. Хотя эпирический фундамент исследования заявленной темы относится преимущественно к сибирскому крестьянству 1920-х гг., однако при этом в немалой степени он имеет универсальное значение.

Особую роль при изучении социально-психологической эволюции играет выявление тенденций политического сознания, которое наиболее прямо и непосредственно выражает коренные интересы социальных групп. Его развитие носит опережающий в сравнении с другими сферами общественной психологии характер и оказывает на них существенное формирующее, системообразующее воздействие. После революции, в 1920-е гг. массовое политическое сознание в нашей стране продолжало развиваться под неоднозначным воздействием, с одной стороны, новых общественных реалий, с другой – долговременных традиций.

Интегральным выражением уровня политического сознания, как известно, является понятие «политическая культура». Впервые предложившие эту дефиницию американские исследователи Г. Алмонд и Г. Пауэлл включали в ее содержание следующие основные компоненты: познавательную ориентацию (знание о политических объектах и идеях), эффективную ориентацию (ощущение связи, вовлечения, противодействия и т. п. по отношению к политическим объектам), оценочную ориентацию (суждение и мнение о политических объектах) [Основы политологии…, 1991. С. 123].

В послереволюционные годы развитие политической культуры населения России, в том числе крестьянства, находит выражение в определенном расширении его общественного кругозора, различных проявлениях интереса к политической жизни и в связи с этим – к источникам информации (прессе, лекциям, беседам и т.п.).

Развитие общественной активности крестьянства, являвшееся важным индикатором его политической культуры, сказывалось в его электоральном поведении (участие в избирательных кампаниях), членстве в различных общественных организациях и т. п. Своеобразным выражением общественной активности крестьян, опосредованным проявлением их политических взглядов являлось также выполнение ими своих экономических обязательств перед государством, вклад в восстановление и модернизацию страны через поставки сельскохозяйственной продукции, налоги, займы, самообложение и т.п. Инициатива же наиболее политизированной части сельского населения проявлялась, особенно в конце рассматриваемого периода, в таких начинаниях, как красные обозы и красные эшелоны для ускорения хлебозаготовок, посев «десятин индустриализации», сбор средств на нужды обороны и т. п.

Разумеется, все официальные данные о политической работе в деревне и проявлениях общественной активности крестьянства требуют сугубо критического отношения. Во-первых, «идеологическая отчетность» зачастую носила недостаточно достоверный или даже прямо фальсифицированный характер, лишь создавая у вышестоящих инстанций впечатление большой культурно-просветительной работы в деревне. Во-вторых, различные формы идеологического воздействия и общественной работы охватывали относительно небольшую политизированную часть сельского населения, преимущественно молодежь. В-третьих, «политическое просвещение» лишь в небольшой степени способствовало решению общецивилизационных задач, преодолению отсталости крестьянства, основное же его

назначение состояло во внедрении официальных идеологических установок. В-четвертых, проявляя заинтересованность в массовой поддержке крестьянства, применяя для этого определенные меры повышения его общественной активности, режим в то же время возводил на этом пути неодолимые препятствия (бюрократизм, произвол, подавление наиболее социально динамичных элементов сельского населения, ориентация в политической работе на неимущие, маргинализированные слои). В-пятых, всякого рода «почины» нередко инициировались сверху для придания более приемлемого облика разного рода неблаговидным акциям (например, хлебозаготовкам) и реально проводились узким кругом населения из числа актива, молодежи, бедноты.

Следует отметить, что в источниках того периода прослеживаются значительные различия в оценке уровня общественной активности, интересов, потребностей, политического кругозора сельского населения. Если в первой половине 1920-х гг. акцент нередко делался на «темноту» крестьян, то в конце десятилетия часто подчеркивалось значительное повышение их «политического уровня». Это должно было служить доказательством успешности партийной, культурно-просветительной работы в деревне и соответственно – дополнительным аргументом в пользу осуществления ее радикального преобразования.

Так, после своей поездки по Сибирскому краю в конце 1928 г. нарком просвещения А. В. Луначарский отмечал «высокий уровень сибирского крестьянства в политическом отношении», утверждал, что сельские жители «прекрасно знают наши термины и отдают себе отчет, к чему их зовет советское правительство» [1929. С. 28–29].

С другой стороны, накануне и в ходе «великого перелома» вновь широкое распространение получают пропагандистские утверждения об «отсталости» и «невежестве» крестьянства, что призвано было объяснить огромные трудности коллективизации и оправдать применение репрессивных мер.

При выявлении реального уровня общественной активности, информированности, политического кругозора сельского населения, помимо прочего, весьма важно иметь в виду существенную дифференциацию этих показателей в зависимости от социального положения, демографических признаков, уровня образования и других параметров.

Обычно из общей массы сельского населения по этому признаку выделяется относительно немногочисленная группа более активных, развитых крестьян, которых Б. Г. Литвак, например, определяет термином «думающие крестьяне». По его оценке, в дореволюционную эпоху (в «пореформенный период») сдвиги в общественном сознании охватывали преимущественно «все более широкие круги думающих крестьян», хотя «удельный вес этих “думающих” в общей массе был еще невелик». В предреволюционные годы имел хождение даже особый термин, характеризовавший такого рода крестьян – «политики» [1989. С. 240].

В источниках изучаемого периода также нередко отмечались значительные различия в крестьянской среде по степени политического кругозора, общественной активности, поддержки правящего режима. В ряде случаев делались попытки определить и количественное соотношение различных групп сельского населения по этим признакам.

Примером здесь может быть единственное в своем роде обследование результатов работы по ликвидации неграмотности (ликбеза) в Рубцовском округе за 1923–1928 гг. В ходе анкетирования 337 крестьян, прошедших ликбез, помимо других его результатов, выявлялись и изменения в общественно-политическом облике этих сельских жителей. Как показало рассматриваемое обследование, 10 % из числа приобщившихся к грамотности впали, по тогдашнему выражению, «в рецидив безграмотности», – это были главным образом представители бедноты, преимущественно женщины. Вторая группа прошедших ликбез, составлявшая 63 % респондентов, сохранила полученные навыки, хотя и была опасность ее «впадения в рецидив»; эти крестьяне проявляли интерес к общественной жизни, прессе и деятельности культпросветучреждений. Третья группа (28,2 %) демонстрировала быстрый культурный и политический рост, активно участвовала в деятельности общественных организаций. Это были преимущественно представители молодежи – прежде всего из бедноты и батраков [1].

Дифференциация на три группы по уровню политического развития прослеживается

[1] Просвещение Сибири. 1928. № 7. С. 72–74.

и в исследовании писем, проведенном редакцией сибирской краевой газеты «Молодая деревня» с целью выявления различных типов сельских читателей прессы [2]. За период с августа 1926 по октябрь 1927 г. в газету обратилось 826 чел. с 1 740 вопросами. Проведенное изучение позволило выделить три группы читателей: «совершенно неподготовленные, почти неграмотные», «грамотные, имеющие минимум познаний, но довольно слабые в общеобразовательном отношении» и, наконец, «умеющие разбираться в политических вопросах, целиком воспринимающие газету и подчас занимающиеся самообразованием».

Анализ показал, что среди писем, полученных, к примеру, 1 декабря 1926 г., читатели первой группы составляли 14 %, второй – 56, третьей – 30 %. Среди писем, поступивших в газету 9 января 1927 г., эти показатели составили соответственно 26, 57 и 17 %. Как видим, наиболее массовым был читатель «второй группы».

При оценке приведенных данных, следует, помимо прочего, иметь в виду, что во всех этих случаях «уровень развития» определялся преимущественно с позиций правящего режима, официальной идеологии. Исторический парадокс состоял в том, что наиболее развитые, политизированные представители сельского населения одновременно оказывались в наибольшей степени подвержены официальному идеологическому воздействию, «темные» же крестьяне – более независимы в этом отношении.

Так, с точки зрения официальных критериев, женщины-крестьянки представляли наиболее отсталую и консервативную часть сельского населения. Однако в то же время нельзя забывать, что именно они выступали наиболее ревностными хранительницами крестьянских традиций и зачастую особенно решительно отстаивали коренные интересы крестьянства перед лицом репрессивной политики. Известно, в частности, что накануне и в период «великого перелома» крестьянское сопротивление принимало нередко именно форму «бабьих бунтов».

Применительно к изучаемому периоду с известной долей условности можно говорить не только о различиях в уровне политической культуры, но и о двух типах политической культуры – традиционной и более современной. При этом они имели определенную социально-демографическую локализацию. Сложное взаимодействие и противостояние двух культур весьма рельефно прослеживается, в частности, во взаимоотношениях различных информационных механизмов, воздействовавших на поведение сельского населения в 20-е гг.

Источники первой половины 20-х гг. постоянно подчеркивали преобладание в деревне тех лет традиционных источников информации – слухов, толков и т.п. Один из наиболее крупных в то время специалистов по социологии печати Я. Шафир писал, что «информация проникает в деревню в виде слухов», последние «в деревне заменяют газету». В связи с этим он справедливо подчеркивал, что «слухи заслуживают глубочайшего внимания не только со стороны политика, но и социального психолога» [1924. С. 99, 113, 118].

Однако дальнейшее изучение этого феномена показало, что его природа связана не просто с отсутствием необходимой информации, а с ее своеобразным восприятием со стороны крестьянства, в свою очередь определявшимся его социально-психологическим состоянием. Нередко «первоисточником самого невероятного слуха» являлось как раз то или иное сообщение прессы или радио [3].

Как писал известный в то время психолог В. Кузьмичев, «по ту сторону газетного листа лежит громадное поле, где печатное слово непосредственно недоступно, куда оно поступает из “вторых рук” <...> проходит громадный путь устной передачи, где многое пропадает совсем или изменяется» [1929. С. 57].

Наиболее ярким проявлением этого социально-психологического механизма стало распространение в 1927 г. под влиянием официальной пропагандистской кампании панических слухов о войне. Как известно, данный феномен стал важным социально-психологическим компонентом хлебозаготовительных трудностей и последующего обострения всей общественно-политической ситуации.

По нашему мнению, здесь проявлялись, помимо прочего, не просто «темнота» крестьян, а их недовольство политикой властей,

[2] ГАНО. Ф. П-188. Оп. 1. Д. 290. Л. 333–337; Д. 457. Л. 30.

[3] На ленинском пути. 1928. № 3. С. 25.

недоверие к официальным источникам информации. Можно сказать, что противостояние крестьянства и существующего режима способствовало воспроизводству архаичных форм политической культуры и более того – ее дальнейшей известной архаизации.

При этом следует подчеркнуть, что существование у крестьянства определенного фильтра недоверия в отношении официального идеологического воздействия, проявление механизмов «контрсуггестии» (см.: [Поршнев, 1971. С. 7–36]) позволяли ему до поры до времени сохранять некоторую самостоятельность в мышлении и поведении. Это было особенно важно в связи с расширяющимися возможностями политического манипулирования со стороны режима.

Стержневым элементом политической культуры той или иной общности, как известно, являются ее взгляды на государственную власть, отношение к существующему политическому режиму в целом, а также к его отдельным подсистемам и направлениям деятельности. Выявляя воздействие на эти воззрения традиционной политической культуры, следует прежде всего сказать о характерном для «русской ментальности» противоречивом отношении к государственной власти. Как писал по этому поводу Н. А. Бердяев, «русский народ с одинаковым основанием можно характеризовать как народ государственно-деспотический и анархически-свободолюбивый» [1990. С. 15].

В 1923 г. С. Л. Франк в общем контексте своей концепции о начавшемся духовном «выздоровлении» отечественного социума выдвинул предположение о наметившемся избавлении его от «политического нигилизма». Под последним феноменом понималось «непонимание или отрицание положительного смысла государственной власти, которым до революции был заражен весь русский народ». По утверждению философа, на опыте приобщения к власти в период революции, массы «отучились смотреть на власть анархически-безответственно», – в народном сознании стала расти «потребность в подлинной государственно-устрояющей власти» [1990. С. 22].

Думается, что в этих оценках русский мыслитель излишне оптимистичен: в рассматриваемый период, как и в прошлые эпохи, отношение основных масс российского населения к государственной власти во многом продолжало варьироваться в традиционном диапазоне – от анархического своеволия до безграничной покорности, упования на высший авторитет.

Как известно, революционная смута и гражданская война сопровождались нарастанием анархических настроений. В последующий период, в 1920-е гг., одним из наиболее важных поведенческих индикаторов этого социально-психологического феномена являлось отношение сельского населения к выполнению государственных повинностей, в частности к налогообложению. В те годы весьма распространенными были сокрытие объектов обложения, несвоевременная уплата налогов и другие нарушения сельским населением его обязанностей перед государством.

Отмеченная анархическая тенденция в массовом сознании парадоксальным образом сочеталась с авторитарными устремлениями, требованиями «наведения порядка». Распространенное в те годы настроение многих сельских жителей может быть проиллюстрировано следующим суждением в одном из крестьянских писем: «За последнее время в деревне наблюдается большая распущенность; среди населения нет совершенно общественной дисциплины». В связи с этим автор, отражая мнение многих крестьян, предлагал расширить права сельсоветов по применению мер принуждения [4]. Цитированное письмо относится к началу 1927 г., когда газета «Беднота» организовала дискуссию по этим проблемам. За несколько дней в нее поступило более 60 писем аналогичного содержания [Голанд, 1988. С. 182].

Во второй половине 1920-х гг. все чаще отмечались высказывания сельских жителей о необходимости применения мер принуждения для уплаты налога, ибо «мужик не привык платить без палки». Особенно остро раздавались требования об усилении борьбы с преступностью, прежде всего с хулиганством, которое в середине 20-х гг. в ряде сельских местностей принимало «угрожающие размеры», «грозило срывом всякой общественной работы». В связи с этим нередко звучали суждения крестьян, что «приговоры очень мягки», «тюрьма перестала быть пугалом»; часто высказывалось недовольство

[4] Сельская правда. 1927. 27 марта

«советским попустительством» в отношении преступников. В целом же неоднозначный опыт борьбы с преступностью в послереволюционные годы, казалось, наиболее однозначно убеждал и «верхи», и «низы» в том, что наведение «порядка» возможно только репрессивными методами.

Наряду с «анархической» тенденцией, существенное место в отечественном менталитете принадлежало и противоположному социально-психологическому комплексу. Речь идет о пиитете перед государственной властью, упованиях на ее мудрость и всемогущество. Анализируя природу и границы этого социально-психологического феномена, следует прежде всего выделить характерное для отечественного социума вообще и для послереволюционного периода в частности весьма различное и нередко прямо противоположное отношение к высшей и местной власти. Позитивное и даже порой чрезмерно оптимистическое отношение к политической власти адресовалось именно к центральным инстанциям.

В условиях стабильно негативного отношения многих крестьян к местным органам власти сельские жители зачастую воспринимали в качестве «настоящей власти» лишь центральные инстанции. При этом, в представлении крестьян, ответственность за те или иные безобразия несли именно местные власти, с центральными же инстанциями связывалось общее представление «о справедливой народной власти». «Бесправие», некомпетентность и злоупотребления местных властей поневоле заставляли население искать выход во вмешательстве извне. В то же время недовольство и скепсис в отношении местных органов парадоксальным образом способствовали усилению упований на мудрость и справедливость центральной власти.

Наряду с воздействием традиционных политических представлений здесь, видимо, сказалось влияние социально-психологического механизма проекции. Данное понятие, введенное З. Фрейдом, определяется как механизм психологической защиты, заключающийся в неосознанном наделении другого человека или социального института желательными свойствами.

Подчеркивая значительную роль упований на мудрую и справедливую высшую власть в политическом сознании послереволюционного крестьянства, нет в то же время оснований абсолютизировать значение этой социально-психологической установки. Это важно подчеркнуть еще и с учетом нередко фигурирующих в публицистике утверждений о пассивности нашего народа, его «рабском характере» и т. п., как решающих факторах утверждения тоталитарного режима.

При оценке уровня массовой политической культуры в послереволюционный период, в 1920-е гг. правомерно применить не только количественные характеристики (низкая, недостаточная, слабая и т. п.), но и качественные, типологические.

Наиболее известная в политологии классификация политической культуры, предложенная Г. Алмондом и С. Вербой, выделяет три ее основных типа:

- патриархальный (полное отсутствие у подданных интереса к политике;
- подданический (сильная позитивная ориентация на политическую систему при слабой степени личного участия в политике);
- активистский (граждане активно заинтересованы в делах общества и стремятся лично участвовать в политике) [Almond, Verba, 1980. P. 126].

С первым из выделенных типов можно соотнести также применяемое понятие традиционной политической культуры, которая включает естественно сложившиеся нормы, зафиксированные в обрядах, ритуалах, символах и т. д., передаваемые вербально из поколения в поколение.

Отталкиваясь от этих понятий, правомерно предположить, что в рассматриваемый период происходил сложный, противоречивый процесс перехода от патриархальной, традиционной политической культуры к подданической, а у более развитой части населения – к активистской. Разумеется, это была исторически длительная тенденция, которая в конечном итоге была блокирована условиями существовавшего в то время политического режима. Это, наряду с комплексом социально-экономических и геополитических факторов, видимо, в существенной мере способствовало утверждению сталинской мобилизационной модели трансформации социума.

Список литературы

Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.

Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.

Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М., 2010.

Галкин А. А. Общественный прогресс и мобилизационная модель развития // Коммунист. 1990. № 18.

Голанд Ю. Как свернули нэп // Знамя. 1988. № 10. С. 164–188.

Грациози А. Великая крестьянская революция в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1953. М., 2008.

Исаев В. И. Молодежь Сибири в трансформирующемся обществе: условия и механизмы социализации. 1920–1930-е гг. Новосибирск, 2003.

Кузнецов И. С. Советский тоталитаризм: Очерк психоистории. Новосибирск, 1995.

Кузнецов И. С. На пути к «великому перелому»: люди и нравы сибирской деревни 1920-х гг. (психоисторические очерки). Новосибирск, 2001.

Кузьмичев В. Организация общественного мнения. М., 1929.

Лабузов В. А. Прерванный выбор: оренбургская деревня в 20-х – начале 30-х годов XX столетия. М., 2003.

Лебедева Л. В. Повседневная жизнь пензенской деревни в 1920-е гг.: традиции и перемены. М., 2009.

Литвак Б. Г. Крестьянское движение в России в 1775–1904 гг.: история и методика изучения источников. М., 1989.

Луначарский А. В. Месяц по Сибири. Л.,1929.

Медушевский А. И. Сталинизм как модель социального конструирования: к завершению научно-издательского проекта // Российская история. 2010. № 6. С. 3–29.

Осмыслить культ Сталина. М., 1989.

Основы политологии (наука о политике). Киев, 1991.

Поршнев Б. Ф. Контрсуггестия и история (элементарное социально-психологическое явление и его трансформация в развитии человечества) // История и психология. М., 1971.

Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997.

Революция и человек: социально-психологический аспект. М., 1996.

Рожков А. Ю. В кругу сверстников: жизненный мир молодого человека 1920-х годов: В 2 т. Краснодар, 2002.

Сухова О. А. «Общинная революция» в России: социальная психология и поведение крестьянства в первые десятилетия XX века (по материалам Среднего Поволжья). Пенза, 2006

Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм: социальная история Советской России в 30-е гг.: город. М., 2001.

Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е гг.: деревня. М., 2006;

Франк С. Л. Из размышлений о русской революции // Новый мир. 1990. № 4. С. 207–226.

Шафир Я. Газета и деревня. М.; Л.,1924.

Almond G., Verba S. The Civil Culture Participation and Political Equality. Boston, 1980.

Материал поступил в редколлегию 25.08.2011

I. S. Kuznetsov

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL OF FORMATION OF THE STALINIST MOBILIZATION MODEL

The article considers social and psychological factors formation stalinist mobilization model in Russia in the 1920s–1930s. Attention is drawn to the national mentality are constants, as social passivity, weakness of the democratic traditions, authoritarianism, «naive monarchism», communal collectivism. At the same time such features of psychology of the politically active segments of the population are distinguished as a black-and-white worldview, absolutization of violence, a belief in a «big jump».

Keywords: mobilization model, mentality, psychohistory, charismatic leadership.